

— Седьмому брату хорошо, и мне хорошо, — молвил Сяо Юньсян, похлопал его по плечу и покинул Павильон Спящего Феникса.

В ту же ночь многих слуг из покоев Сяо Цзе подвергли палочным ударам. Никто не посмел о том Сяо Ляну поведать. Он лишь дивился: как за один день все шесть управлений дворца столько одежды да снедей прислали, усердие необычайное явив.

Сяо И на ложе возлежал, в уме перебирая, что в Дворце Мира и Благоухания случилось, после того как Великий мастер Цзинкон его в чувство привёл.

— Здоровье Вашего Величества в полном порядке, никаких недугов не обнаружил. Причину же беспомощности установить не смог. Прошу простить мою неспособность, — монах, хоть и в чувство его привёл, прощения вымаливал, видно, смекнул уже, что государь притворяется.

— Не смог обнаружить — потому что знал, да сказать не посмел. Умён. Не стану тебя казнить. Скажи им лишь, что я днём позже очнусь.

— Откланиваюсь.

— погоди! Слышал я, министр Гу тебя издалека привёз, дабы Седьмого принца лечил. Через два дня пожалуй тебе сотню золотых, ступай с миром домой.

— Благодарю Ваше Величество.

Цзинкон поклонился в землю и удалился. Сяо И ведал: монах тот странен, искусство врачевания у него редкое. Да и пригласил-то его во дворец Сяо Чэн, дабы Седьмого принца лечил. Думал государь: проболтайся монах — Сяо Чэн скоро о притворной болезни его проведаёт, тогда и подтвердить свои подозрения сможет.

Размышлял он об этом, как вошёл евнух Чжан с докладом:

— Ваше Величество, сейчас донесли: прошлую ночью госпожа Лю приказала слуг Третьего принца палками наказать.

Сяо И ведал: наложница Лю всегда спесива была. Но ныне, когда наложница Хуэй скончалась, а Сяо Цзе пропал, она вдруг слуг тех наказать вздумала. Не иначе, унижить Седьмого принца захотела. При мысли сей ему не по себе стало.

— Что стряслось? С чего бы без вины наказывать? Неужели госпожа Лю, видя, что я недужен, случаем воспользовалась, дабы Ляна обидеть? Какая наглость! — Сяо И закашлялся.

— Докладываю Вашему Величеству, старый слуга уже выяснил. Молвят, слуги Третьего принца неуважение Седьмому принцу явили, в последние дни ленились, да и в Павильоне Спящего Феникса пренебрежение ему оказывали. Вчера же и вовсе позволили Седьмому принцу на ветру стоять. Шестой принц, мимо проходя, увидел то и госпоже Лю доложил, после чего она и велела наказать.

Объяснение сие Сяо И изумило. Призадумался он: хоть и любит он Сяо Ляна, но тот ещё млад, опасаться следует, как бы в обиду его не дали. Особенно Дворец Хранения Изящества да Дворец Вэйян могли случаем сим воспользоваться, да против него действовать.

— Передай мой указ: немедля указ составить о назначении Четвёртого принца Сяо Чжэна князем Чэнь, Пятого принца Сяо Цзюэ — князем Ци, Шестого принца Сяо Юньсяна — князем

Лян, а Седьмого принца Сяо Ляна — князем Цинь. Объявить повсюду, что Третий принц на Пике Луюэ погиб, и посмертно назначить его князем Вэй. Седьмому принцу пятнадцать годков минуло, мать он потерял, оставаться во дворце ему негоже. Велеть на юге столицы прежний дворец Янтяньфу перестроить в резиденцию его. По причине дела с Цзяо Ну впредь принцы, коим четырнадцать лет исполнилось, оставаться во дворце не могут. Прочим принцам также резиденции выстроить надлежит и до июня будущего года все из дворца выехать.

Из всех принцев лишь Сяо Цянь князем Юэ назначен был, да Сяо Чэн — князем Чжао. Теперь же всех разом назначили — дело необычное. Евнух Чжан, указ услышав, уже выйти собрался, но Сяо И вновь его окликнул.

— Приказ передай: всех слуг Третьего принца палками забить, оставить лишь старых слуг из Дворца Луны над Хуай, дабы Седьмого принца обслуживали. Слуги Седьмого принца пусть сами решают — оставаться им или умирать.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Наложница Лю не ждала, что в такой момент государь жаловать титулы начнёт, особенно нарушив обычай, всех принцев князьями назначив. Служанка её Цзиньюэ молвила:

— Госпожа, хотели мы Цзяо Ну использовать, дабы Четвёртого принца и Дворец Мира и Благоухания свалить, но как Второй принц тут замешался? Никак не пойму.

— Чего ты понимаешь? Не по нраву нам Четвёртый принц, но Второй-то — сын императрицы. Коли его убрать, всем выгода. Полагаю, у драгоценной наложницы Лань ни смелости, ни ума на ход такой не хватило бы. Верно, дело рук Дворца Хранения Изящества. Но уж никак не пойму, как наложница Шу Цзи императора провести смогла.

— Всяко, свалить Второго принца — дело хорошее, госпожа. К чему столько думать?

— Свалить Второго принца? Рано ещё. Ступай, скажи во дворцовом управлении, дабы хороший дом для Юньсяна подыскали.

В Павильоне Спящего Феникса Сяо Лян глядел на слуг, что на коленях стояли, и вздохнул:

— Кроме старых слуг из Дворца Луны над Хуай, а также Люсю, евнухов Линь и Сюй, остальным со мной в новую резиденцию переезжать не надлежит. Отошлите их обратно в управление дворца, пусть по другим дворцам распределят, наказывать же не надо.

Евнух Чжан кивнул и с людьми удалился. Сяо Ляна наложница Хуэй всегда оберегала, да и Сяо Цзе нравом горяч был, оттого никогда не видел он, дабы слуги непокорность являли. Но за эти несколько дней вдруг понял он, сколь важна власть. В глазах других был он лишь принцем юным, поддержку потерявшим, и каждый мог его обидеть. Не будь Сяо Юньсяна, не ведает он, до чего бы его довели.

Сяо Лян слуг призвал и о Сяо Чэне спросил. Прежде правду они скрывали, но ныне, видя, какая участь слуг Третьего принца постигла, не посмели утаивать и всё как есть поведали.

Сяо И доклады просматривал, когда доложили: князь Цинь аудиенции просит. Велел впустить. Сяо Лян поблагодарил, да потом замялся, что императора удивило.

— Лян, ты что, и впрямь заикаться начал? Коли за Второго брата своего просить вздумал, то не стоит. Дело то в Храме Дали ещё рассматривается, результатов пока нет.

Сяо Лян ведал: государь всегда Второго принца любил, и арест его делом необычным был. Теперь же, когда слуги правду поведали, узнал он, что Сяо Чэн и вправду на такое пошёл. Хоть и использовал он его, но Второй принц всегда к нему добр был, и Сяо Лян заступиться за него возжелал.

— Отец... Полагаю я лишь, что Второй брат, коли и впрямь ошибку совершил, вы всё же должны вспомнить, как почтителен он всегда был, не будьте слишком... — Сяо Лян нрав отца знал, не любил тот, когда в решения его вмешивались, и слова у него в горле застряли.

— Лян, Второй брат твой тебя использовал, ты уже ведаешь о том. Всё ещё за него просить намерен?

— Я... На сердце у меня тяжело. Мать я уже потерял, Третьего брата, теперь и Четвёртый брат со мной не говорит. Коли и Второго брата лишусь, и вовсе не ведаю, что делать! — Голос Сяо Ляна дрогнул.

— Лян, в семье императорской каждый одинок, будь то братья, будь то отец с сыном. Когда я млад был, разве были у меня братья любимые? Каждый из них жизни моей жаждал. Ныне же, когда ты выздоровел, понимаешь ли, что сие означает?

— Нет, отец, прошу, объясните, — изумился Сяо Лян, не понимая, что дурного в выздоровлении.

— Ибо ныне, когда ты здоров, шанс стать наследником у тебя появился. Оттого Второй брат твой тебя и использовал, Четвёртый брат тебя стороной обходит, а Шестой брат, что ныне тебе помогает, возможно, впредь также не станет. Понимаешь? — Сяо И на младшего сына глядел с грустью. Наложница Хуэй не раз страшилась, что в младенчестве он умрёт, однако вот вырос ему уже пятнадцатый год.

— Понимаю. Но, отец, есть у меня вы, а есть у вас я, — Сяо Лян, словно в детстве, к плечу императора прижался.

— Ха-ха-ха... Дитя, не бойшься, что насмешкам предадут? Большой уже, а ведёшь себя как дитя малое.

— Есть у меня ещё одна просьба, отец. Все братья мои боевым искусствам обучены, а я научиться хочу. Учителей обычных не надо, хочу, чтобы Цзи Лань меня обучал.

— Ладно, ладно. Верно, отблагодарить его за спасение хочешь, потому в учителя и выбрал, так ведь? — Сяо И понимал: ныне Сяо Лян опоры не имеет, и выбор Цзи Лана решением хорошим был.

— Отец, он — чиновник, и долг его — спасти. О какой благодарности речь?

— Молодец! Именно так. Разрешаю. Приказ пусть составят.